

«ВЫ ДАЖЕ НОТЫ ЗНАЕТЕ?!»

ГАЛИНА:

Мы с Максимом стоим в кабинете у отца, и он произносит:

— Улица Кирова, дом 21, квартира 48. Телефон К-5-98-72. Запомнили? Повтори! И ты повтори!..

Нас только что привезли в квартиру, которую отец получил в Москве. И он требовал, чтобы мы назубок знали свой новый адрес и телефон. Вдруг потеряемся, и тогда без этого не обойтись.

Я хорошо помню нашу первую московскую квартиру — дом был старый, с высокими потолками, стоял он во дворе, прямо напротив Главного почтамта.

МАКСИМ:

Из радиоприемника доносится бодрый голос:

— Встаньте прямо, ноги на ширине плеч! Первое упражнение...

Раннее утро, в окнах зимняя тьма, а мы — папа, Галия и я — делаем наклоны и машем руками, под аккомпанемент невидимого рояля.

Поскольку отец весьма заботился о нашем с сестрой здоровье, он спозаранку поднимал нас с постелей и заставлял заниматься гимнастикой. Я это очень хорошо помню. Я даже не забыл фамилию человека, который вел по радио передачи утренней гимнастики: «Урок провел преподаватель Гордеев».

Борис ХАЙКИН:

Как-то Дмитрий Дмитриевич рассказывал: «Вы знаете, Л.Т. Атовмян мне порекомендовал очень полезную утреннюю гимнастику: рассыпать коробку спичек, а затем нагибаться за каждой спичкой, пока все их не соберешь. Попробуйте, это очень трудно, у меня не получается». — «Почему?» — «Понимаете, в первый день я все сделал в точности, как мне сказал Атовмян. На второй день оказалось, что у меня очень мало времени, пришлось присесть на корточки и собрать все спички сразу. А на третий день я только успел рассыпать спички, как по телефону сообщили, что мне надо ехать по срочному делу. Я быстро оделся и, уходя, сказал няне: «Я там рассыпал спички, соберите, пожалуйста».

Клавдий ПТИЦА, хормейстер:

Вспоминается, как восторженно рассказывал Александр Васильевич Гаук о необычайном музыкальном слухе Шостаковича.

На репетиции одной из симфоний Шостаковича, в Большом зале консерватории, когда шло первое Allegro, Александр Васильевич, стоящий за пультом, оглянулся и увидел, что композитор, болезненно сморщившись, спешит к нему: «Александр Васильевич, — говорил Дмитрий Дмитриевич, — второй скрипач, на третьем пульте первых скрипок, сыграл вместо «фа» — «фа-диез»...» Так оно и оказалось.

МАКСИМ:

Если я совершал какой-нибудь проступок, отец ужасно расстраивался. А когда что-ни-

В издательстве «Захаров» вышла в свет книга «Наш отец DSh», составленная из воспоминаний детей Дмитрия Дмитриевича Шостаковича — сына Максима и дочери Галины — и фрагментов мемуаров друзей великого композитора. Все это с любовью собрал, записал и привел в систему, дополнив собственными воспоминаниями и комментариями, православный священник и литератор протоиерей Михаил Ардов. Предлагаем вниманию наших читателей несколько избранных страниц из этой книги, украсившей популярную «захаровскую» серию «Биографии и мемуары».

будь такое повторялось, он произносил фразу, которая очень пугала:

— Зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет, мне надо с тобой серьезно поговорить.

Я шел туда. Он мне говорил:

— Ты несколько раз обещал мне этого не делать, и вот опять...

Тут он доставал чистый лист бумаги и говорил:

— Пиши: я больше никогда не буду делать того-то и того-то... Так... Теперь расписись... Поставь сегодняшнее число.

Потом этот листок убирался в стол. И вот, если я еще раз совершал такой проступок,

он опять звал меня в кабинет, доставал мою расписку и говорил:

— Вот твоя подпись, ты опять нарушил свое обещание...

И тут уже бывало так стыдно, не передать...

Отец терпеть не мог моих школьных и дворовых привычек. А в те времена мы все время друг с другом менялись — перочинные ножи, рогатки и прочее в этом роде. И я помню, как давал такое письменное обязательство: «Не приносить домой предметов, принадлежащих другим лицам».

И еще такое. Я прибегаю домой:

— Папа, всего за тридцать рублей продается духовое ружье!

Он говорит:

— А мне его и за две копейки не надо!

Он реально себе представил, что будет у нас в доме, если я начну стрелять из духового ружья.

МАКСИМ:

Шостакович не сочинял музыку в прямом смысле этого слова. Он слышал ее каким-то своим внутренним слухом и фиксировал на бумаге.

Герберт РАППОПОРТ,

постановщик фильмов-оперетты «Москва-Черемушки» на музыку Шостаковича.

Я пришел к нему вечером в гостиницу «Европейская». Застал гостей. Шостакович за столом что-то писал, отвечая на шутки. Всем было весело, мне — грустно, потому что надежда получить музыку для фильма пропала. Шостакович продолжал писать и разговаривал. Я поднялся, чтобы уйти. «Куда же вы?» — спросил Шостакович и протянул мне только что записанные нотные листы — новые фрагменты для «Черемушек». Так я оказался свидетелем чуда рождения музыки гением. Это были лучшие фрагменты.

Софья ХЕНТОВА:

Увлекаясь футболом, Шостакович мечтал написать гимн этому виду спорта, а когда появились футбольный марш Блантера, с гордостью объявлял: «Вот что наш Мотя сочинил!». На почве футбола то и дело происходили случаи забавные.

Футбол свел его с Константином Есениным — пасынком Мейерхольда, помнившим Шостаковича со времен, когда композитор писал музыку к спектаклю «Клоп».

Ознакомившись с очередной статьей Константина Есенина, подымавшего футбольную статистику на высоту поэзии, Шостакович изложил ему письмом свои фактические поправки. Почерк, по обыкновению, был малоразборчив, подписи неясны, и Есенин раздраженно позвонил по указанному в письме телефону:

— Есть у вас старичок, интересующийся футболом?

— Есть, — ответил женский голос. — Я сейчас позову.

Есенин вступил в запальчивую полемику с дотошным старичком. В конце разговора спросил:

— А как ваша фамилия?

И, услышав робкое «Шостакович», обомлел.

МАКСИМ:

Исаак Давидович Гликман свидетельствует, что в десятилетнюю годовщину со дня смерти Зошени они с Шостаковичем поехали на его могилу в Сестрорецк. Гликман запомнил такие слова нашего отца:

— Он безвременно умер, но как хорошо, что он пережил своих палачей — Сталина и Жданова.

А еще я помню, как отец время от времени произносил такую фразу:

— Все что угодно отдам за шеститомник Зошеники.

ГАЛИНА:

В нашей квартире раздается звонок. Отец, слегка волнуясь, сам идет открывать дверь. Вежливо поздоровавшись с вошедшим, помогает ему снять пальто, и они оба удаляются в кабинет.

С некоторых пор этот невысокий мрачный гость стал появляться у нас регулярно. Происходило это в 1952 году, когда всем советским людям предписывалось усердно изучать только что опубликованные работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Для Шостаковича сделали исключение. Нет, не освободили от унижительной обязанности, но разрешили не посещать общих занятий в Союзе композиторов и прикрепили к нему индивидуального преподавателя — «товарища Трошина», каковой и появлялся у нас дома.

Занятия проходили так: «товарищ Трошин» задавал именитому ученику вопросы по пройденной теме, проверял предъявляемые ему конспекты, а потом давал новое задание.

В этой трагикомической ситуации отца отчасти выручали два его друга — Исаак Давидович Гликман и Левый Тадевосович Атовмян: именно они конспектировали указанные сочинения Сталина. Бессмысленность этого дела и некую, я бы сказала, ритуальность усугубляло то обстоятельство, что преподаватель притворялся, будто не замечает разницу почерков Гликмана и Атовмяна, каковые были отнюдь не похожи на почерк Шостаковича.

ГАЛИНА:

У отца было такое правило: на день своего рождения он непременно зажигал столько свечей, сколько ему исполнилось лет. Эта привычка очень нравилась всем друзьям, поскольку раз и навсегда разрешала проблему подарков. Всем было известно: Шостаковичу нужно дарить подсвечники, с каждым годом их требуется все больше.

Я помню, накануне очередного дня своего рождения отец куда-то ушел, а потом вернулся с огромным свертком, неся его с великой осторожностью. Он поставил свою ношу на стол, снял бумагу, и мы увидели огромный хрустальный шандал, рассчитанный на дюжину свечей. С той поры этот сверкающий светильник стоял в самом центре праздничного стола.

Всякий раз перед приходом гостей отец возился с многочисленными подсвечниками — аккуратно вставлял свечки, обжигал на них фитили, чтобы все было готово и никакой заминки при возжигании не было. И повсюду были разложены коробки со свечками...

И еще одно воспоминание, связанное с приходом гостей.

В нашей квартире на Кутузовском одна из батарей отопления была прикреплена не под окном, а прямо к стене. Когда гости разбредались по квартире, кто-нибудь из пришедших норовил присесть на эту самую батарею. И тут отец начинал нервничать, он говорил какой-нибудь увесистой госте:

— Очень вас прошу, не садитесь на радиатор. Он может оторваться, и тогда из трубы будет хлестать ржавая горячая вода...

ГАЛИНА:

Люди поколения нашего отца знали: переписка проходит перлюстрацию.

Последнее обстоятельство заставляло Шостаковича прибегать к эзопову языку, и, надо отдать ему должное, делал он это виртуозно. Стиль некоторых его писем сродни рассказам Михаила Зошени, чьим приятелем и поклонником был наш отец. И вот еще что. Переписка с Гликманом дает исчерпывающий ответ на вопрос: каково было подлинное отношение Шостаковича к советской власти, во всех ее чудовищных и крайне безвкусных проявлениях.

Из писем Д.Ш.

к И.Д.ГЛИКМАНУ:

«В Союзе Советских композиторов должно было состояться ее (Восьмой симфонии. — Г.Ш.) обсуждение, каковое было отложено из-за моей болезни. Теперь это обсуждение состоится, и я не сомневаюсь, что на нем будут произнесены ценные критические замечания, которые вдохновят меня на дальнейшее творчество, в котором я пересмотрю свое предыдущее творчество, и вместо шага назад сделаю шаг вперед». (8 декабря 1943 г.)

«29.XII. 1957. Одесса.

Дорогой Исаак Давидович!

Приехал я в Одессу в день всенародного праздника 40-летия Советской Украины. Сегодня утром я вышел на улицу. Ты, конечно, сам понимаешь, что усидеть дома в такой день нельзя. Несмотря на пасмурную туманную погоду, вся Одесса вышла на улицу.

Всюду портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а также т.т. А.И.Беляева, Л.И.Брежнев, Н.А.Булганина, К.Е.Ворошилова, Н.Г.Игнатов, А.И.Кириленко, Ф.Р.Козлова, О.В.Куусинена, А.И.Микояна, Н.А.Мухомидинова, М.А.Суслова, Е.А.Фурцевой, Н.С.Хрущева, Н.М.Шверника, А.А.Аристов, П.Н.Поспелова, Я.Э.Калнберзина, А.П.Кириченко, А.Н.Косыгина, К.Т.Мазурова, В.П.Мжавнадзе, М.Г.Первушина, Н.Т.Кальченко.

Всюду флаги, призывы, транспаранты. Кругом радостные, сияющие русские, украинские, еврейские лица. То тут, то там слышится приветственные возгласы в честь ве-

Семья Шостаковичей. Москва. 40-е годы.

С дочерью Галиной. Конец 40-х годов.

Пасьянс...

ликого знамени Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а также в честь т.т. А.И.Беляева, Л.И.Брежнев, Н.А.Булганина, К.Е.Ворошилова, Н.Г.Игнатов, А.И.Кириленко, Ф.Р.Козлова, О.В.Куусинена, А.И.Микояна, Н.А.Мухомидинова, М.А.Суслова, Е.А.Фурцевой, Н.С.Хрущева, Н.М.Шверника, А.А.Аристов, П.Н.Поспелова, Я.Э.Калнберзина, А.П.Кириченко, А.Н.Косыгина, К.Т.Мазурова, В.П.Мжавнадзе, М.Г.Первушина, Н.Т.Кальченко, Д.С.Коротченко.

Всюду слышна русская, украинская речь. Порой слышится зарубежная речь представителей прогрессивного человечества, приехавших в Одессу поздравить одесситов с великим праздником. Погулял я, и не в силах сдержать свою радость, вернулся в гостиницу и решил описать, как мог, всенародный праздник в Одессе.

Не суди строго.
Крепко целую,
Д. Шостакович».

ГАЛИНА:

Наш отец не был врагом бутылки, все его друзья и знакомые знали, что он любит выпить водочки. Когда началась хрущевская оттепель, музыканты стали выезжать на гастроли за границу. Кое-кто привозил оттуда спиртные напитки в качестве подарка Шостаковичу.

В этой связи мне вспоминается такая сцена. Отец сидит за столом, перед ним иностранная бутылка с завинчивающейся пробкой. Нам это было в новинку: отечественная водка в те времена закупоривалась бесхозкой, кусочком мягкого металла, который сразу же выбрасывался. И вот я помню, как отец говорит:

— Их бутылки снабжаются пробками с резьбой, потому что у них бутылка — предмет долговременного пользования. А наша поллитровка — предмет одноразовый, если ты открыл ее — затыкать не потребуется.

И еще он повторял известную в России поговорку:

— Водка бывает только хорошая или очень хорошая. Плохой водки не бывает.

МАКСИМ:

Однажды отец зашел в парикмахерскую побриться, а я ждал его в соседнем помещении. Там было включено радио — какая-то исполнительница распевала романс Алябьева «Соловей».

Когда бритье окончилось, и мы вышли на улицу, отец поморщился и произнес:

— До чего ж это отвратительная, антимузыкальная вещь — колоратура...

Я запомнил эти его слова, но убежден, что подобному высказыванию нельзя придавать абсолютного значения. Вполне возможно, что при других обстоятельствах и при другом настроении Шостакович слушал бы это пение не без удовольствия.

О себе он говорил:

— Я люблю всю хорошую музыку — от Баха до Оффенбаха.

К некоторым знаменитым композиторам у него было сложное отношение. У Чайковского, например, что-то ему активно не нравилось, а какие-то произведения он очень любил. Стойкое неприятие Шостакович испытывал лишь к музыке Скрябина, я помню его беспощадный отзыв об этом композиторе:

— Смесь теософии с парфюмерией.

Из русских классиков он в особенности ценил Мусоргского и потратил очень много сил, дабы его музыка дошла до слушателей в наиболее близком к авторскому замыслу виде. Шостакович заново оркестровал «Бориса Годунова», «Хованщину», «Песни и пляски смерти». У него вообще была склонность доводить до совершенства чужие произведения, которые он считал талантливыми.

Михаил АРДОВ:

В 60-х годах кто-то рассказал мне такую историю. На некий московский фестиваль прибыл из Индии богатый и знаменитый в своей стране композитор. Сочинял он, главным образом, музыку к кинофильмам. Его познакомили с Шостаковичем. Индус, между прочим, сказал:

— Вы, наверное, платите много денег вашему помощнику?

— Какому помощнику? — удивился Дмитрий Дмитриевич.

— Ну, тому, кто записывает ваши мелодии.

— Я сам записываю свою музыку, — сказал Шостакович.

— Как? — поразился индийский гость. — Вы даже ноты знаете?! ■

Максим Шостакович.

Галина Шостакович.